

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.М. МАЛЕНКОВА В ОЦЕНКАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ДЕПАРТАМЕНТА США

© 2022

Мамедов З.И.

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс оценки деятельности Георгия Максимилиановича Маленкова Государственным департаментом США и связанными с ним людьми. На основе документов, имеющихся у американского внешнеполитического ведомства, проводится анализ восприятия личности этого советского руководителя. В работе прослеживается эволюция точек зрения относительно его положения в политической иерархии в СССР, влияния Г.М. Маленкова на внутреннеполитический и внешнеполитический курс государства. В статье идентифицируются особенности аналитической разведки Госдепа по данному вопросу. Телеграммы, письма и меморандумы дают возможность проследить видение дипломатов, чиновников, политиков, контактирующих с этим ведомством, причин и последствий возвышения Г.М. Маленкова до Председателя Совета министров СССР и его окончательного выведения из состава советских руководителей. Источники позволяют исследовать ретроспективный анализ его деятельности на основе донесений американских послов. Общий массив данных демонстрирует важность личностного подхода при оценках советских вождей не только для Государственного департамента, но и для Президента США, Совета национальной безопасности, ЦРУ, комитетов Конгресса и союзных иностранных дипломатов. Результаты исследования могут стать основой для научных изысканий по темам холодной войны, политического развития СССР, по оценке американскими органами власти советской системы.

Ключевые слова: Маленков Георгий Максимилианович; Государственный департамент США; Совет национальной безопасности; Центральное разведывательное управление; ЦРУ; холодная война; СССР; аналитическая разведка; Сталин Иосиф Виссарионович; Берия Лаврентий Павлович; Молотов Вячеслав Михайлович; Хрущёв Никита Сергеевич; Булганин Николай Александрович.

THE ACTIVITY OF G.M. MALENKOV IN THE USA STATE DEPARTMENT EVALUATIONS

© 2022

Mamedov Z.I.

Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. This paper discusses the process of evaluating the activities of Georgy Maksimilianovich Malenkov by the USA State Department and people associated with it. On the basis of documents available to the American Foreign Office, an analysis is made of the perception of the personality of this Soviet leader. The paper traces the evolution of points of view regarding his position in the political hierarchy in the USSR, G.M. Malenkov's influence on the domestic and foreign policy of the state. The paper identifies the features of the analytical intelligence of the State Department on this issue. Telegrams, letters and memorandums provide an opportunity to trace the vision of diplomats, officials, politicians in contact with this department, the causes and consequences of G.M. Malenkov's elevation to the chairman of the Council of Ministers of the USSR and his final removal from the Soviet leaders. The sources allow us to explore a retrospective analysis of his activities based on the reports of American ambassadors. The overall body of evidence demonstrates the importance of a personal approach in assessing Soviet leaders, not only for the State Department, but also for the USA President, the National Security Council, the CIA, congressional committees and allied foreign diplomats. The results of the study can become a basis for scientific research on the topics of the Cold War, the political development of the USSR, and the assessment of the Soviet system by the American authorities.

Keywords: Malenkov Georgy Maksimilianovich; USA Department of State; National Security Council; Central Intelligence Agency; CIA; Cold War; USSR; analytical intelligence; Stalin Joseph Vissarionovich; Beria Lavrentiy Pavlovich; Molotov Vyacheslav Mikhaylovich; Khrushchev Nikita Sergeevich; Bulganin Nikolay Aleksandrovich.

Деятельность Г.М. Маленкова чаще всего изучалась в общих работах, касающихся социально-экономического и политического развития СССР. За последние тридцать лет свои публицистические статьи, посвящённые конкретно этому партийному руководителю, посвятили А. Пашунин [1, с. 8], Д. Олейников [2, с. 15], В. Шевченко [3, с. 18]. Комплексное историческое исследование партийной и государственной деятельности Г.М. Маленкова проведено в диссертации М.А. Даниленко [4]. Стали появляться работы по отдельным аспектам его деятельности [5,

с. 255]. Небольшое количество исследований, посвящённых деятельности Г.М. Маленкова, в совокупности с отсутствием работ по его оценке иностранными ведомствами, занимающимися стратегической разведкой, обуславливают актуальность данной темы. Поэтому целью статьи стало изучение анализа деятельности этого советского руководителя на основе данных Госдепа США.

Документы Госдепа США, в которых можно обнаружить различные оценки и упоминания о Г.М. Маленкове, датируются с 1945 г. по 1982 г. Деятель-

ность этого советского руководителя отражена в различных документах, таких как: отчёты, телеграммы, меморандумы американских дипломатов разного уровня и разных стран, переписка государственных чиновников, меморандумы Госдепа, СНБ, ЦРУ и других ведомств, воспоминания ряда исторических личностей, связанных с внешнеполитическим ведомством. Первое упоминание в документах Госдепартамента присутствует в общем списке представителей СССР. Причём по американской исследовательской традиции советологии, последовательность сталинских соратников соблюдается в том же порядке, что и печатались в советской прессе. Так, американские аналитики разного уровня отражали текущий расклад сил. Джордж Кеннан в своей телеграмме о встрече китайской гоминьдановской делегации указывает Г.М. Маленкова после В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А.С. Микояна и Л.П. Берии и перед ещё семью руководителями [6]. Это положение в совокупности с тем фактом, что в следующий раз он упоминался лишь дважды только в 1947 году, говорит о слабой заинтересованности американского внешнеполитического ведомства в оценке Георгия Максимилиановича в этот период [7]. В 1948 году статус Г.М. Маленкова уже анализировался с более высоких позиций. Он упоминался вдвоём с А.А. Ждановым как ответственный за дела в Югославии по линии Комиинформа. Поверенный в этой стране Реамс предполагал, что И.В. Сталин не расправится со своими близкими соратниками ради урегулирования взаимоотношений с И.Б. Тито [8]. Министр иностранных дел Австрии Л. Эрхардт в переписке с начальником отдела по делам Восточной Европы Ф. Стивенсом предполагал, что роль Г.М. Маленкова после войны возросла и в Комиинформе он назначен номером два для контроля над А.А. Ждановым. Первый оценивается министром как обладатель талантом конспирации и манёвренности, в связи с чем министр пропаганды может сильно пострадать на новом витке внутрисполитической борьбы в СССР [9].

Переломным моментом в оценке Г.М. Маленкова становится 1949 год. Его речи стали анализироваться в контексте намерений советского руководства на международные отношения и перспективы военного столкновения с США. По громкости и продолжительности аплодисментов посол в СССР Кирк пытался определить общественное мнение в поддержку Г.М. Маленкова со стороны рядовых партийцев. Происходила попытка определить степень воинственности языка советского руководителя [10]. Одновременно фиксация возросшей роли Г.М. Маленкова и влияние его на международные дела подталкивали Госдеп к более точной оценке его положения в иерархии советских государственных и партийных органах. Со смертью А.А. Жданова и прошедшего «ленинградского дела» Г.М. Маленков, по мнению посла А. Кирка, «пошёл вверх» и стал оспаривать положение В.М. Молотова как человека номер два в СССР. Неоднократные публикации статей Г.М. Маленкова, находящиеся в газетах выше, чем статьи В.М. Молотова, давали намёк на становление его как первого в качестве главного советника И.В. Сталина [11]. Усиливало этот вывод выступление Георгия Максимилиановича на 32-й годовщине Октябрьской революции вместо министра иностранных дел. А. Кирк

всё же боится свои предположения оговоркой о поспешности заключений относительно изменений в иерархии. В лучших традициях кремлеведения он сообщает, что в газете «Правда» под большим портретом И.В. Сталина помещается фотография В.М. Молотова, что говорит о его уверенном положении в партийных рядах. После стандартного анализа расстановки советских лидеров на Мавзолее дальнейшие аргументы выглядят ещё более впечатляюще. В телеграмме посла написано о похоронах маршала Ф.И. Толбухина, гроб которого несли и В.М. Молотов, и Г.М. Маленков, но поставил урну с прахом в кремлёвскую стену именно Вячеслав Михайлович. Поручение Г.М. Маленкову выступать с праздничными поздравлениями А. Кирком также рассматривалось с позиции его лучших ораторских способностей в обход склонного к заиканию В.М. Молотова. Вывод посла был уклончив, так как в связи с вышесказанным отражение реального престижа Г.М. Маленкова оценить было трудно [12].

В 1950 году речи Г.М. Маленкова закрепляются в качестве одного из ориентиров по оценке советских внешнеполитических настроений, снижения или повышения агрессивной риторики относительно возможного военного столкновения [13]. В оценке преисполненности власти он предполагался в качестве сменя И.В. Сталина только в том случае, если вождь прожил бы ещё 10–15 лет. Для достижения непоколебимой позиции ему было необходимо время для укрепления. Показательно, что Министерство внутренних дел отмечается в меморандуме в качестве актива Г.М. Маленкова даже без упоминания Л.П. Берии, который, видимо, оценивался в качестве креатуры первого [14]. В следующий раз он упоминается лишь в июне 1952 года. В телеграмме под грифом «сверхсекретно» Д. Кеннан для ограниченного круга высших должностных лиц правительства со ссылкой на проинформированных партийных и «полицейских» чиновников назвал главным претендентом Г.М. Маленкова. Но его вывод продвигался дальше, говоря о таком положении как о возможном бремени. Кеннан предполагал создавшуюся опасность вокруг Г.М. Маленкова и делал прогноз о большой вероятности катастрофы, которая может с ним случиться, до окончания «развязки». В.М. Молотов же, в связи с отсутствием подтверждений о его реальных устремлениях к первому месту, благодаря такой осторожности получал все шансы. В конце телеграммы американский посол делал ещё один противоречивый прогноз. Он, в отличие от многих экспертов, заявлял, что к кризису в Политбюро приведёт не смерть И.В. Сталина, а внезапная кончина Г.М. Маленкова, В.М. Молотова или Л.П. Берии [15]. Через месяц со ссылкой на известного итальянского политического деятеля и журналиста Пьетро Ненни Д. Кеннан вновь подтвердил наиболее вероятную фигуру Г.М. Маленкова в качестве преемника, но в то же время рапортовал о хорошем физическом и умственном состоянии И.В. Сталина [16]. В том же месяце американский посол написал о слабости В.М. Молотова, не имевшего соизмеримой поддержки в партийном и государственном аппарате, в отличие от дважды указанного в телеграмме тандема Г.М. Маленкова и Л.П. Берии [17].

До 1953 года количество документов, в которых мы встречаем упоминания о Г.М. Маленкове, не пре-

вышает двух десятков. Со смертью И.В. Сталина ситуация меняется, и мы встречаем уже более 60 документов. Уже в январе послом Бимом сообщается, что после «дела врачей» окончательно закрепляются три основных преемника – В.М. Молотов, Л.П. Берия и Г.М. Маленков. Косвенным и специфическим подтверждением этого является появление их вместе с И.В. Сталиным в Большом театре. Отмечается первенство именно Г.М. Маленкова, так как он выступал на XIX съезде партии. Продвижение этой гипотезы предлагается делать с осторожностью и рассмотрением альтернативных вариантов [18]. Уже 4 марта посол в СССР сообщает о неизбежной смерти И.В. Сталина и дублирует вывод о Г.М. Маленкове в качестве наиболее вероятного преемника [19]. В телеграмме от 6 марта без отрицания прошлых предположений констатируется факт того, что Г.М. Маленков не сможет стать И.В. Сталиным номер два из-за недостаточности авторитета, что обуславливает усиление борьбы в советском руководстве [20]. Через два дня этот же посол предполагает возможный вариант коллективного управления. При этом правительственный и партийный аппарат будет возложен на Г.М. Маленкова, службы безопасности на Л.П. Берию, внешняя политика на В.М. Молотова и армейские дела на Н.А. Булганина. Вывод о том, что В.М. Молотов и Л.М. Каганович уравнивают опытом административные успехи Г.М. Маленкова и Л.П. Берии, скорее всего, делается для демонстрации отсутствия единства в Политбюро. Внешнеполитическим результатом такого неустойчивого баланса, по мнению посла, станет возвышение в коммунистическом движении Мао Цзэдуна [21]. Похороны И.В. Сталина подтвердили первенство Г.М. Маленкова формально, так как он был назначен на пост Председателя Совета министров СССР. Косвенными доказательствами стали закрытие им крышки гроба вождя, выступление с речью первым по очереди и согласие Л.П. Берии с первенством своего соратника. Упомянутый Г.М. Маленковым внешнеполитический курс на продолжение укрепления мира приводился в телеграмме, но никак не комментировался [22]. Уже на следующий день Г.М. Маленков косвенно упоминается как преемник, так как другие советские руководители не указывались. Делалось предположение о ближайшем развитии разногласий между ним и Мао Цзэдуном [23]. В течение года эта гипотеза не подтвердится. Советское руководство станет продвигать китайского лидера как крупную фигуру на международной арене. Американские дипломаты связывали это отчасти с личными интересами лидеров СССР, а отчасти из-за нужды относиться к Мао как к равноправному партнеру. Он был после И.В. Сталина номером два в международном коммунистическом движении, а относительно Г.М. Маленкова он такую позицию уже занимать не мог. Американцы стратегически этим планировали воспользоваться [24]. Конкретным поводом для раскола могла стать Корея, по которой у СССР и Китая хотя и не было значимых противоречий, но всё же глава Китая считал себя главным в этом регионе. Показательно, что стабилизирующим фактором указывались дружеские отношения Г.М. Маленкова и Мао [25].

На 136 заседании Совета национальной безопасности США 11 марта директор ЦРУ Аллен Даллес

озвучил главный вопрос, который, по его мнению, встал перед разведкой: «является ли новая структура советской власти личной диктатурой Маленкова?» Советник президента по национальной безопасности У. Джексон оценивал упомянутые Г.М. Маленковым в одной из речей термины «паника», «беспорядок», «отсутствие единства» как слабость советского руководства. Список этих слов приводился вне контекста, что наводит нас на мысль о выдаче желаемого за действительное [26]. Дипломаты признавали Г.М. Маленкова в качестве лидера, которому в ближайшее время никто не бросит вызов. В то же время борьба в советском руководстве будет вестись скрытно внутри партийных органов. Обширная реорганизация и слияние нескольких крупных отраслей расценивалось как укрепление позиций Г.М. Маленкова, при котором его четыре заместителя разделяют эту власть, но под его контролем. Это позволяло Госдепу занять в стратегическом анализе отличную от других аналитических субъектов позицию, при которой власть Георгия Максимилиановича не преувеличивалась, угроза в связи с его лидерством не нагнеталась, но и недооценка его возможностей не допускалась [27]. В телефонном разговоре государственного секретаря с президентом Д.Д. Эйзенхауэром выражается сожаление лидеру страны, так как он не успел выступить раньше Г.М. Маленкова, который провозгласил готовность Советского Союза урегулировать мирным путем все нерешенные или спорные вопросы с другими странами, в том числе с США. Таким изощренным способом Госдеп доносил до первого лица личные успехи Г.М. Маленкова по поднятию престижа СССР на международной арене [28]. При разработке плана по эксплуатации смерти И.В. Сталина дипломаты не видели потенциальных действий, способных привести к ухудшению ситуации. Косвенно подтверждая крепость позиции Г.М. Маленкова, всё же предполагалось, что в дальнейшем раскольнические силы, присущие таким ситуациям, перерастут в серьезное давление на новый режим [29]. Перед советским лидером, по мнению посла Д. Бима, стояли три главные проблемы: уровень жизни населения, отношения с Китаем и США. Не видя в первые дни отхода от сталинской политики дальше мирных заверений, делался прогноз на попытку в первую очередь укрепить советско-китайские отношения. В прессе посол заметил, что восхваления Г.М. Маленкова отходят на второй план и упор делается на необходимость сплочения людей вокруг ЦК. Оценок относительно реальности или мнимости его стремления к коллективному руководству мы не встречаем [30]. Но в большинстве документов всё же внешнеполитические действия СССР давались с персонифицированных позиций. Например, заместитель госсекретаря У. Смит указывал, что от решительных шагов Г.М. Маленкова зависит ратификация Договора об учреждении Европейского оборонного сообщества. Контекст документа указывает, что расколотый парламент Франции колеблется, и советское руководство каким-то образом может на это повлиять. Исходя из того, что в результате договор так и не будет ратифицирован, можно сказать, что оценивалось личное влияние Г.М. Маленкова на страны, в которых сильны коммунистические партии [31].

С апреля по июнь 1953 года несколько документов дают нам возможность сделать вывод, что Гос-

деп США косвенно искал подтверждения признания со стороны лидеров нескольких стран признание личного руководства Г.М. Маленкова. Так, в телеграмме американского посла Данна в Испании мы встречаем ссылку на личную беседу с генералом Ф. Франко, который утверждал о неважности вопроса относительно того, кто управляет СССР: В.И. Ленин, И.В. Сталин или Г.М. Маленков. Главное, на его взгляд, что советское государство будет наращивать военную мощь и через коммунистические группы подчинять себе все страны. Комментариев посла относительно того, насколько Испания в большей угрозе, чем кто-либо, в документе отсутствовали [32]. Лидер китайского Гоминьдана Чан Кайши в письме Д.Д. Эйзенхауэру называет советский внешнеполитический курс стратегией Г.М. Маленкова по мирному наступлению. Личностная оценка подкрепляется указанием целей, в соответствии с которыми не совершаются решительные шаги: попытка выиграть время для укрепления собственной власти и в целом режима [33]. Лидерство Г.М. Маленкова признавалось премьер-министром ЮАС Д. Маланом, который высказывал послу США недоверие к мирным заявлениям советского главы [34]. Противоположную позицию выражал президент Египта генерал М. Нагиб, уверенный в искренней миролюбивости Г.М. Маленкова [35]. Тревожные сообщения доносились от премьер-министра Италии Альчиде Де Гаспери, который сообщал о стратегическом успехе внешнеполитического курса Г.М. Маленкова. Он своим мирным наступлением смог сформировать итальянское общественное мнение и тем самым помог коммунистам значительно укрепиться в этой стране. В совокупности с агрессивными выступлениями У. Черчилля Европа перестаёт быть единой антикоммунистической силой [36]. Отдельного внимания заслуживает переписка У. Черчилля с Д.Д. Эйзенхауэром. Британский премьер-министр, начиная с 11 марта, многократно советовался по вопросу возможности встретиться с новым советским руководителем. Г.М. Маленков признавался в качестве преемника, но с ним британский премьер-министр не работал, в отличие от В.М. Молотова. У. Черчилль намекал на недостаточность авторитета и опыта в международных делах Г.М. Маленкова, которую потенциально можно будет использовать для раскола советской элиты. В связи с этим британский политик неоднократно сообщал о необходимости проверки на прочность сил Г.М. Маленкова [37].

Оценки Г.М. Маленкова разными государственными ведомствами США в данный период различались. С одной стороны, подчёркивались его политические успехи, с другой стороны – шаткое положение. В докладе Президенту от Комитета по международной информационной деятельности результаты стратегической разведки сводились к продолжению борьбы за власть в СССР до тех пор, пока Г.М. Маленков или кто-то другой не установят доминирующее положение [38]. В стенограмме телефонного разговора братьев Даллес мы видим, что важным субъектом в раскладе политических сил в СССР считалась армия, которая после свержения Л.П. Берии могла сплотиться вокруг Г.М. Маленкова, но и могла уйти из-под его контроля [39]. Посол Ч. Болен сообщал о наличии у Г.М. Маленкова трезвого видения советской экономики. Прогноз заключался в том, что он будет увеличивать потребительские товары, объ-

ём лёгкой промышленности, жилищное строительство, социальные услуги; поддерживать частный сектор сельского хозяйства и снижать его налоговое бремя с сохранением курса на коллективизацию. На международной арене он будет вести себя сдержанно, поддерживая стремление коммунистического Китая занять место в ООН и категорически не принимать возможности перевооружения Германии. Общий вывод заключался в том, что эволюция и реальный разворот Г.М. Маленкова от сталинской линии не является манёвром во внутриполитических интригах [40]. Из комитета Конгресса по атомной энергетике сообщалось президенту о военно-технологической победе Г.М. Маленкова, во время руководства которого достигнуто разрушение монополии США на водородную бомбу [41]. Частной внешнеполитической победой Г.М. Маленкова в Госдепе посчитали исландско-советское торговое соглашение, подписанное 1 августа 1953 года. Согласно ему, Исландия продавала большое количество рыбы СССР и получала оплачиваемые в долларах или фунтах стерлингов нефть, бензин и цемент в количествах, достаточных для удовлетворения всех годовых потребностей этой страны. Вопрос стоял гораздо серьёзнее. Дипломаты отмечали рост недовольства у значительной части жителей оборонными обязательствами страны в рамках НАТО. Директор Управления по делам Британского Содружества и Северной Европы Рейнор в связи с этим призывал в меморандуме к борьбе за общественное мнение Исландии, путём убеждения в отсутствии различий между агрессивной политикой И.В. Сталина и Г.М. Маленкова [42]. Совокупность оценок даёт нам возможность сделать вывод о том, что высказывания Г.М. Маленкова, даже при жёсткой позиции по ГДР, за большую свободу европейских стран на Западе и Востоке, главное – без вмешательства США, интерпретировалось как советский маневр по разобщению участников Североатлантического альянса [43].

В 1954 году количество документов, в которых фигурирует Г.М. Маленков, уменьшается в два раза. Это связано с тем, что практически сводится на нет вопрос о первенстве в советском руководстве, заменяясь несколькими оценками относительно перспектив внутриполитической борьбы. Также сводятся на нет привычные цитирования советских руководителей об американском империализме, губительном положении в других капиталистических странах благодаря США, которые закрывают свои рынки от иностранных товаров. Анализ советских агрессивных заявлений конкретизируется. В частности, приводится пример речи Г.М. Маленкова, в которой он указывал на перспективы упразднения атомного оружия. Этот процесс должен сопровождаться разоружением и другого оружия [44].

Советская внешняя политика в разных регионах связывалась с именем Г.М. Маленкова. При этом не все выводы в документах предполагали успех проведения в действие его стратегии. В отделе Госдепартамента по планированию политики, анализируя перспективы советско-французских и советско-германских отношений, ссылка на возможные разыгранные «гамбиты» делается на Г.М. Маленкова. Американские дипломаты считали, что в европейских делах у председателя советского правительства выстроилась целая доктрина, подразумевающая нормализацию дву-

сторонних отношений, расширение торговли, предоставление гарантий безопасности. Хотя в этом документе не упоминается мирное наступление, но подразумевается, что Г.М. Маленков действует в рамках него и стратегическая цель заключена в создании обстановки, при которой НАТО перестанет быть необходимым. Особняком при этом должна стоять нейтральная, не вступающая в военные блоки Германия. Лишь при таком раскладе у неё будет шанс на объединение. Эта оценка важна, потому что впоследствии Н.С. Хрущёв будет ставить в вину Г.М. Маленкову отдачу ГДР на произвол судьбы [45]. Американский посол в Греции с именем Г.М. Маленкова связывал перспективы сближения Югославии с СССР [46]. Французский представитель во Вьетнаме Жан Сентени оценивал после встречи с Хо Ши Мином вьетнамских коммунистов как умеренных, так как они заверяли о возможности сохранения французской культуры и тесных контактов с капиталистическими странами. Хотя им выдвигалось предположение, что эта умеренность обусловлена частью партийной линии мирного наступления Г.М. Маленкова. Но при этом Ж. Сентени считал, что Вьетнам не хотел бы раствориться в советско-китайском блоке [47]. Не названная так, но описанная в документах Госдепа доктрина Г.М. Маленкова давала возможность аналитикам констатировать отсутствие доказательств искреннего стремления советского правительства к решению за столом переговоров существующих проблем, угрожающих миру и безопасности. В связи с этим, по мнению дипломатов, не представляется целесообразным или желательным способствовать встрече между президентом США с Г.М. Маленковым. По их мнению, двусторонние переговоры могли дать возможность Г.М. Маленкову ударить на таких встречах по свободному миру [48]. Другие документы за этот год отражали изменения во внутриполитической ситуации СССР. С одной стороны, Г.М. Маленков продолжает фигурировать как первый среди советского руководства, но можно и отметить рубеж, в рамках которого будет намечаться конфронтация. В меморандуме от старшего представителя штаба операции PBSUCCESS во Флориде Данбара в резидентуру ЦРУ в Гватемале для местной католической церкви ставилась цель – пробудить в народе отвращение к коммунизму. Достижение нужного эффекта предполагалось путём распространения информации о репрессиях против церкви в социалистических странах и замене изображений святых в каждом доме на портреты В.И. Ленина, И.В. Сталина и Г.М. Маленкова [49]. В мае 1954 года посол Ч. Болен впервые сообщил о возвышении Н.С. Хрущёва и нарастающем паритете партии и правительства. Новый виток борьбы подмечался дипломатом ещё и потому, что в советской прессе и странах восточного блока стали увеличиваться упоминания о необходимости коллегиального руководства [50]. На заседании СНБ Аллен Даллес отмечал драматичную речь Н.С. Хрущёва в связи с празднованием годовщины «коммунистического завоевания». В ней он призывал к скорейшему освобождению Тайваня. Однако, по мнению директора национальной разведки, ЦРУ склонно смотреть на Н.С. Хрущёва как на «довольно дерзкого парня», которому Г.М. Маленков почему-то позволяет большую свободу действий [51]. Посол в Китайской республике Ранкин не видел серьёзных перспектив вторжения на Тайвань, исходя из оценок

Г.М. Маленкова как осторожного человека во внешнеполитических делах, который будет проверять, нельзя ли завоевать остров без боя [52].

Ещё одним важным направлением, затронутым в документах за 1954 год, было усиление открытости советского руководства. В меморандуме специального помощника по разведке В. Армстронга для и.о. госсекретаря передавалось примечание относительно уменьшения атмосферы изоляции со стороны советских лидеров. Свои слова он подтверждал наметившейся стандартизацией одежды на большинстве публичных собраний. В. Армстронг подразумевал под этим отказ Г.М. Маленкова от его практики ношения традиционной партийной гимнастерки и фуражки с козырьком. Начиная с 1 мая, почти всегда он стал появляться в деловом костюме. После этого в документе подчёркивается, что деловые костюмы и шляпы в западном стиле теперь кажутся стандартными для всех членов Президиума и секретарей ЦК. Этот пассаж вновь демонстрирует нам идентифицируемое американскими аналитиками лидерство Г.М. Маленкова даже в таких мелочах. Увеличение выступлений советских лидеров на публике и присутствие на дипломатических приёмах также подтверждало вывод об открытости [53]. Так, посол Ч. Болен сообщал о более чем получасовой беседе с Г.М. Маленковым. Он произвел на Ч. Болена впечатление человека большой решимости и безжалостности, но с более тонким и высокоразвитым умом, чем его соратники. Показательна сравнительная оценка с Н.С. Хрущёвым, который казался на фоне Г.М. Маленкова не особенно сообразительным. Общий вывод Болена сводился к тому, что советские официальные лица изо всех сил старались подчеркнуть серьёзность своего стремления к нормализации отношений, особенно относительно США [54].

В 1955 году все документы, количество которых сократилось до 24, касались отставки Г.М. Маленкова с поста Председателя Совета министров. В большей мере затрагивались внутриполитические аспекты этого процесса, но анализировались и внешнеполитические последствия. Уже в начале года, то есть до отставки Г.М. Маленкова, на конференции СНБ представлялись данные о возврате в СССР к прежнему курсу, то есть ближе к сталинскому. Подтверждением тому было увеличение в советской прессе акцента на развитие тяжёлой промышленности. Важным политическим моментом является характеристика этого процесса в контексте отхода именно от прежней политики самого Г.М. Маленкова. Помимо этого, директор ЦРУ А. Даллес сообщал о начале нового витка внутриполитической борьбы. Косвенным свидетельством этого стало восстановление старого большевика А.А. Андреева. Американская разведка интерпретировала это как пощёчину Н.С. Хрущёву со стороны Г.М. Маленкова. Подробностей относительно противоречий по этому вопросу в документе приведено не было [55]. О самой отставке в Госдепе узнали в тот же день. По анализу прессы и замене Г.М. Маленкова на военного министра Н.А. Булганина внешнеполитические ведомства в США убеждались в окончательном повороте политического курса СССР в сторону ужесточения [56]. Через два дня в дискуссии СНБ А. Даллес говорил, что уже больше года прослеживались признаки постепенной потери власти Г.М. Маленкова. В документах мы явно этого

не прослеживаем, зато можно предположить, что это являет собой традиционную попытку зачислить себе задним числом успешный прогноз. Директор ЦРУ назвал это «чисто русским делом», так как отсутствие явных успехов в экономике и внешней политике СССР в достаточной мере не объясняет поражение Г.М. Маленкова во втором раунде борьбы. Он стал «козлом отпущения», учитывая, что внутренние провалы во многом были по вине Н.С. Хрущёва, который становился лидером. Категоричных утверждений А. Даллеса о тотальной разобщённости в советском руководстве мы не встречаем, но косвенно он подтверждал свои слова ещё и тем, что В.М. Молотов не поддержал Г.М. Маленкова и не разделял его внешнеполитического курса из-за чрезмерной мягкости. Н.А. Булганин в документе со ссылкой на советских военных назывался «Генералом Кроликом» из-за отсутствия реального боевого опыта. Г.К. Жуков, который не оценивался как будущий военный министр, теперь им стал. И, по мнению советских перебежчиков, в качестве источника разведанных, это демонстрировало возврат к присущим военным консервативным взглядам [57]. Г.М. Маленков же в свою очередь ретроспективно рассматривался как человек, который «никогда не ставил масло выше пушек, но выступал за разумное количество масла вместе с пушками, в отличие от Н.С. Хрущёва [58]. Отставка Г.М. Маленкова в контексте анализа политики Китая и проблемы с Тайванем рассматривалась как очевидное назревание кризиса в мировом коммунистическом движении. Невозможность в дальнейшем в достаточной мере удовлетворить потребительский спрос будет порождать брожение в советских массах, доносящееся впоследствии до стран-сателлитов, а невозможность достигнуть реальных прорывов на международной арене теперь, по мнению американских дипломатов, будет подрывать авторитет СССР. Отставка Г.М. Маленкова и свержение до этого Л.П. Берия предполагало схожие последствия, как после раскола между И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким [59]. Стратегический прогноз констатировал наличие в СССР глубоких кризисных сил, которые постепенно будут приводить к снижению опасности для стран «свободного мира». В то же время американские аналитики Госдепа допускали традиционную страховочную оговорку о том, что, сталкиваясь с глубокими внутренними проблемами, деспотии перенаправляют энергию на внешние цели [60].

В 1956 году количество документов уменьшается ещё в два раза. Несколько документов касаются перспектив возвращения Г.М. Маленкова на первые позиции. Он по-прежнему занимал место в советском правительстве, ряд секретарей КПСС и членов ЦК либо не были связаны с Н.С. Хрущёвым, либо были предполагаемыми креатурами Г.М. Маленкова. Выдвигались доказательства в пользу более сильных позиций Н.С. Хрущёва, который успел укрепиться. В качестве них представлялась его готовность выезжать за границу более чем на пять недель, улучшение положения офицерского корпуса после отставки Г.М. Маленкова, отсутствие подтверждений поддержки со стороны В.М. Молотова и слабые позиции связанных с Г.М. Маленковым других советских руководителей. В то же время они отрицали возможность коллективного руководства в СССР без явно выраженного первого лица [61]. Личный разговор Ч. Бо-

лена с Н.С. Хрущёвым и Г.М. Маленковым по поводу отставки второго совсем не показался дипломату искренним. Г.М. Маленков самокритично высказался об отсутствии у него должного опыта после смерти И.В. Сталина, чтобы занимать такую ответственную должность. Н.С. Хрущёв же, называя Георгия Максимилиановича одним из самых своих близких друзей, выдавал его отставку за некоторые корректировки по причине ошибочной оценки ближайшей перспективы перевооружения Германии [62]. В свете прошедшего знаменитого XX съезда Г.М. Маленков характеризуется как человек, который не мог начать проводить в таком русле политику десталинизации. Его вклад в этот съезд в документах упоминается кратко. Г.М. Маленков вскрывал факты того, что после его призывов к самокритике на XIX съезде люди, воспринимавшие и воспроизводившие этот курс, подвергались гонениям и репрессиям. В аналитической записке Госдепа под названием «Оскорбление Сталина» не говорится, что эти высказывания меркнут по сравнению с докладом Н.С. Хрущёва и демонстрируют аккуратную позицию Г.М. Маленкова, но предполагать такую оценку со стороны американцев мы можем, учитывая их прогнозы относительно его попыток по возвращению на пост председателя правительства [63]. В материалах североевропейской конференции руководителей посольских миссий в контексте шепетильного положения Н.С. Хрущёва сообщалось, что советские дипломаты позволяли себе давать пренебрежительные отзывы о новом руководителе в сочетании с благоприятными оценками Г.М. Маленкова. Это давало возможность Госдепу предполагать продолжение кризиса в политической системе СССР [64].

Начиная с 1958 года Г.М. Маленков упоминался ещё несколько раз. Чаще всего это было связано со сравнением политической ситуации или возможными действиями советского руководства и тем, как это было в короткий промежуток времени его руководства. Н.С. Хрущёв, в донесениях американских дипломатов, продолжал перекладывать ответственность на своих оппонентов со значительным преувеличением и зачищать партийно-государственный аппарат [65]. Интересными представляются довольно эмоциональные оценки, которые давал Н.С. Хрущёв в разговоре с губернатором У. Гарриманом о своих бывших соратниках-противниках. Л.П. Берия он назвал авантюристом, Г.М. Маленкова назвал жёлтым цыплёнком и словом, которое в научной статье лучше не упоминать, при этом выражая большое уважение к В.М. Молотову. Контекст этих оценок заключался в том, что американцы всегда прогадывали с претендентом на первенство в СССР [66]. В 1961–1962 годах американские аналитики Госдепа при стратегических оценках дальнейшего политического курса советского руководства обращались к прошлому опыту, говоря о просчётах Г.М. Маленкова, который увеличивал капиталовложения в товары народного потребления, значительно задевая интересы военных, партийной номенклатуры и министерских руководителей [67]. Среди данных Госдепа мы обнаружили специальный отчёт ЦРУ о стиле руководства Н.С. Хрущёва. Его авторы констатировали приписывание Н.С. Хрущёвым себе все заслуги по повышению уровня жизни и обузданию полиции, в то время как Г.М. Маленкова считали настоящим либерализатором. Примечательно то, что аналитики ЦРУ не

упоминали, кто именно давал такую положительную в американском дискурсе оценку Георгию Максимилиановичу. Вероятно, что по прошествии лет, понимая то, с какой усталостью советское общество относится к Н.С. Хрущёву, и увидев его деятельность на внешнеполитической арене, авторы отчёта стали с большим достоинством оценивать короткий срок деятельности на посту председателя правительства Г.М. Маленкова [68]. Последний раз его имя всплывает в документах Госдепа при анализе встреч с советскими лидерами. Приводились цитаты из мемуаров президента Д.Д. Эйзенхауэра, который не соглашался, даже при давлении У. Черчилля, встречаться с Г.М. Маленковым. Он не желал вести очные переговоры с коммунистическими лидерами, если существовала некоторая вероятность того, что конфронтация даст результаты, приемлемые для народов Запада. В то же время президент стандартно отвечал, что не доверяет им и встретится только после представления реальных дел, свидетельствующих о готовности коммунистов вести конструктивные переговоры [69].

В этом ключе фигура Г.М. Маленкова выглядит позитивно, так как он действительно, даже если и проводил наступление, то, по заверению самих же дипломатов Госдепа, всё же мирное, в то время как американский президент специально был готов нагнетать обстановку. Это также важно для определения той степени, которую при оценке СССР аналитики и лица, принимающие решения в США, отдавали значимость роли личности. Общий пласт документов даёт возможность понять, что Советский Союз рассматривался как патерналистское государство. При этом даже относительно положительные характеристики, которыми наделяли в отчётах, меморандумах и телеграммах Г.М. Маленкова, не давали американскому истеблишменту снижать уровень накала конфронтации в ходе холодной войны. Оценки деятельности Георгия Максимилиановича позволяют идентифицировать призмы советологии, кремлеведения, идеологизированности и концепцию тоталитаризма, через которые смотрели аналитики и при которых СССР при любых обстоятельствах позиционировался даже в сверхсекретных документах как исключительно агрессивное государство. Результаты исследования позволяют в перспективе включать их в общий анализ стратегической разведки нашей страны, выделяя её особенности и прослеживая эволюцию тех характеристик, которыми внешнеполитические и разведывательные организации наделяли как отдельных политических акторов советской политики, так и общи институты социально-экономического развития.

Список литературы:

1. Папушин А. «Пришел Маленков – поели блингов!» // Российская газета. 1995. С. 8.
2. Олейников Д. Дворянин, секретарь ЦК КПСС // Родина. 1994. № 1. С. 15.
3. Шевченко В. Опальные годы Георгия Маленкова // Тюркский мир. 1998. № 1. С. 18.
4. Даниленко М.А. Партийная и государственная деятельность Г.М. Маленкова (1939–1957 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2005. 25 с.
5. Пивоваров Н.Ю. Г.М. Маленков и планы энергетического развития Восточной Сибири. Декабрь 1955 года // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 235–260. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-1-17.
6. Foreign relations of the United States: diplomatic papers, 1945, the Far East, China. Vol. VII, 761.93/7–1545: Telegram, The Charge in the Soviet Union (Kennan) to the Secretary of State, Moscow, July 15, 1945.
7. Foreign relations of the United States, 1947, Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. IV, 840.00b/10-647: Telegram, The Charge in the Soviet Union (Durbrow) to the Secretary of State, Confidential, Urgent, Moscow, October 6, 1947, 2 p.m.
8. Foreign relations of the United States, 1948, Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. IV, 860H.00/7-748: Telegram, The Charge in Yugoslavia (Reams) to the Secretary of State, Secret, Belgrade, July 7, 1948, 11 a.m.
9. Foreign relations of the United States, 1948, Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. IV, 840.811/7-2648: Telegram, The Minister in Austria (Erhardt) to the Secretary of State, Secret, Vienna, July 26, 1948, 4 p.m.
10. Foreign relations of the United States, 1949, Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. V, 861.415/11-949: Telegram, The Ambassador in the Soviet Union (Kirk) to the Secretary of State, Confidential, Moscow, November 9, 1949, 1 p.m.
11. Foreign relations of the United States, 1949, Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. V, 711.61/12-2649: Telegram, The Ambassador in the Soviet Union (Kirk) to the Secretary of State, Moscow, December 25, 1949, 1 a.m.
12. Foreign relations of the United States, 1949, Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. V, 861.00/11-949: Airgram, The Ambassador in the Soviet Union (Kirk) to the Secretary of State, Confidential, Moscow, November 9, 1949.
13. Foreign relations of the United States, 1950, Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. IV, 761.00/11-750: Telegram, The Ambassador in the Soviet Union (Kirk) to the Secretary of State, Confidential, Moscow, November 7, 1950, 8 p.m.
14. Foreign relations of the United States, 1950, Central and Eastern Europe; The Soviet Union. Vol. IV, 661.00/12–1950, Memorandum of Conversation, by the Ambassador to the Soviet Union (Kirk) Temporarily in Washington, Washington, December 19, 1950.
15. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 761.13/6-2052: Telegram, № 513, The Ambassador in the Soviet Union (Kennan) to the Department of State, Top Secret priority, Moscow, June 20, 1952, 3 p.m.
16. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Western Europe and Canada. Vol. VI, part 2, 661.65/7-2552: Telegram, № 730, The Ambassador in the Soviet Union (Kennan) to the Department of State, Top Secret, Moscow, July 25, 1952, 8 p.m.
17. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Korea. Vol. XV, part 1, 795.00/7-3052: Telegram, The Ambassador in the Soviet Union (Kennan) to the Department of State, Top Secret, Moscow, July 30, 1952–midnight.
18. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 761.00/1-1453: Telegram, № 539, The Chargé in the Soviet Union (Beam) to the Department of State Top Secret, Moscow, January 14, 1953, 5 p.m.
19. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean, Implications of Stalin's Collapse. Vol. VIII, PSB files, lot 62 D 333, PSB-40 Series, № 549, Department of State Intelligence Estimate, № 50, Washington, March 4, 1953.
20. Foreign relations of the United States, 1952–1954, National Security Affairs, 931. Following is Info Guide Bulletin 287. Vol. II, part 2, 511.00/3-653: Circular telegram, The Secretary of State to Certain Diplomatic Posts, Confidential priority, Washington, March 6, 1953, 8:27 p.m.

21. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 761.00/3-853: Telegram, № 558, The Chargé in the Soviet Union (Beam) to the Department of State, Secret priority, Moscow, March 8, 1953, 10 p.m.

22. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, Microfilm telegram files, «Moscow FY 53»: Telegram, № 559, The Charge in the Soviet Union (Beam) to the Department of State, Confidential priority, Moscow, March 9, 1953, 6 p.m.

23. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, PPS files, lot 64 D 563, USSR, № 560, Memorandum by the Director of the Policy Planning Staff (Nitze) to the Secretary of State, Top secret, Washington, March 10, 1953.

24. Foreign relations of the United States, 1952–1954, United Nations Affairs. Vol. III, Conference files, lot 60 D 627, CF 185, United States Delegation Memorandum of the Restricted Session of the Fourth Tripartite Heads of Government Meeting, Bermuda Mid-Ocean Club, December 7, 1953, 11 a.m., Top secret strictly limited distribution, December 7, 1953, 11 a.m.

25. Memorandum of Conversation, by Elizabeth A. Brown of the Office of United Nations Political and Security Affairs, Secret, Washington, December 21, 1953.

26. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, Eisenhower Library, Eisenhower papers, Whitman file, № 566, Memorandum of Discussion at the 136th Meeting of the National Security Council, Washington, March 11, 1953, Top secret eyes only, Washington, March 11, 1953.

27. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean, Probable consequences of the death of Stalin and of the elevation of Malenkov to leadership in the USSR. Vol. VIII, INR-NIE files, № 567, Special Estimate Secret, SE-39, Washington, March 12, 1953.

28. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, Eisenhower Library, Dulles papers, Memoranda of Telephone Conversation, № 568, Memorandum of Telephone Conversation With the President, by the Secretary of State, Secret personal and private, Washington, March 16, 1953.

29. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, State-PSB files, lot 62 D 333, PSB Documents, № 570, Memorandum by the Deputy Assistant Secretary of State for European Affairs (Bonbright) to the Under Secretary of State (Smith), Top secret, Washington, March 18, 1953.

30. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, Microfilm telegram files, Moscow FY 53: Telegram, № 569, The Charge in the Soviet Union (Beam) to the Department of State, Top secret, Moscow, March 18, 1953, 2 p.m.

31. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Western Europe and Canada. Vol. VI, part 2, 740.5/3-2353, № 577, Memorandum by the Under Secretary of State (Smith) to the Secretary of State, Secret, Washington, March 23, 1953.

32. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Western Europe and Canada. Vol. VI, part 2, 611 52/4-953: Telegram, № 890, The Ambassador in Spain (Dunn) to the Department of State, Top secret, Madrid, April 9, 1953, 10 p.m.

33. Foreign relations of the United States, 1952–1954, China and Japan. Vol. XIV, part 1, 795.00/4-2253, № 97, The President of the Republic of China (Chiang Kai-shek) to President Eisenhower, Taipei, April 15, 1953.

34. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Africa and South Asia. Vol. XI, part 1, 745A.00/4-2753: Telegram The Ambassador in the Union of South Africa (Gallman) to the Department of State, Secret Pretoria, April 27, 1953, 6 p.m.

35. Foreign relations of the United States, 1952–1954, The Near and Middle East. Vol. IX, part 1, Conference files, lot 59 D 95, CF 156, № 50, Memorandum of Conversation, by the Ambassador in Turkey (McGhee), Secret, ST D-10, Ankara, May 26, 1953.

36. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Western Europe and Canada. Vol. VI, part 2, 765.00/6-2153: Telegram № 745, The Ambassador in Italy (Luce) to the Department of State, Top Secret, Rome, June 21, 1953, 2 p.m.

37. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, Eisenhower Library, Eisenhower papers, Whitman file, № 564, Prime Minister Churchill to President Eisenhower, Top Secret, London, March 11, 1953.

38. Foreign relations of the United States, 1952–1954, National Security Affairs. Vol. II, part 2, Eisenhower Library, White House Office records, Project Clean Up, Report to the President by the President's Committee on International Information Activities, Top Secret, Washington, June 30, 1953.

39. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, Eisenhower Library, Dulles papers, № 605, Record of Telephone Conversation Between the Secretary of State and the Director of Central Intelligence (Dulles), Washington, Washington, July 10, 1953, 12:40 p.m.

40. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 761.00/8-1053: Telegram, № 607, The Ambassador in the Soviet Union (Bohlen) to the Department of State, Confidential, Moscow, August 10, 1953, 7 p.m.

41. Foreign relations of the United States, 1952–1954, National Security Affairs. Vol. II, part 2, S/S-NSC files, lot 66 D 95, NSC 151, The Chairman of the Joint Congressional Committee on Atomic Energy (Cole) to the President, Washington, August 21, 1953.

42. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Western Europe and Canada. Vol. VI, part 2, 740B.5/11-2553, № 695, Memorandum by the Director of the Office of British Commonwealth and Northern European Affairs (Raynor) to the Assistant Secretary of State for European Affairs (Merchant), Top Secret, Washington, November 25, 1953.

43. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 661.00/12-554: Telegram, № 611, The Ambassador in the Soviet Union (Bohlen) to the Department of State, Secret, Moscow, December 5, 1953, 7 p.m.

44. Foreign relations of the United States, 1952–1954, National Security Affairs. Vol. II, part 2, 600.0012/1-754, Memorandum of Conversation, by the Assistant Secretary of State for European Affairs (Merchant), Top Secret, Washington, January 7, 1954.

45. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Germany and Austria. Vol. VII, part 1, PPS files, lot 65 D 101, S/P Papers–Jan.–Feb. 1954, № 339, Paper Prepared by Jacob Beam of the Policy Planning Staff. Top Secret, Washington, January 20, 1954.

46. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 760.5/2-1354: Telegram, № 336, The Ambassador in Greece (Cannon) to the Department of State, Top Secret, Athens, February 13, 1954, 2 p.m.

47. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Indochina. Vol. XIII, part 2, 751G.00/10–2154: Telegram, The Consul at Hanoi (Corcoran) to the Department of State, Top Secret, Hanoi, October 21, 1954, 3 p.m.

48. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 611.61/4–1554, № 619, The Acting Secretary of State to Representative Howard S. Miller of Kansas, Washington, April 26, 1954.

49. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Guatemala, 136. Memorandum From the Senior Representative, Operation PBSUCCESS Headquarters in Florida (Dunbar) to the CIA Station in Guatemala. place not declassified, April 28, 1954.

50. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union; Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 761.00/5–2754: Telegram, № 623, The Ambassador in the Soviet Union (Bohlen) to the Department of State, Top Secret, Moscow, May 27, 1954, 7 p.m.

51. Foreign relations of the United States, 1952–1954, China and Japan. Vol. XIV, part 1, Eisenhower Library, Eisenhower papers, Whitman file, № 322, Memorandum of Discussion at the 216th Meeting of the National Security Council, Washington, October 6, 1954, Top Secret, Washington, October 6, 1954.

52. Foreign relations of the United States, 1952–1954, China and Japan. Vol. XIV, part 1, 793.00/10-1754: Telegram, № 348, The Ambassador in the Republic of China (Rankin) to the Department of State, Top Secret, Taipei, October 17, 1954, 7 p.m.

53. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 761.00/9-2154, № 628, Memorandum by the Special Assistant for Intelligence (Armstrong) to the Acting Secretary of State, Official Use Only, Washington, September 21, 1954.

54. Foreign relations of the United States, 1952–1954, Eastern Europe; Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. VIII, 611.61/11-854: Telegram, № 631, The Ambassador in the Soviet Union (Bohlen) to the Department of State, Secret, Moscow, November 8, 1954, 7 p.m.

55. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. XXIV, Memorandum of Discussion at the 234th Meeting of the National Security Council, Washington, January 27, 1955. Washington, January 27, 1955.

56. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. XXIV, Diary Entry by the President's Press Secretary Hagerty, Washington, February 8, 1955.

57. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. XXIV, Memorandum of Discussion at the 236th Meeting of the National Security Council, Washington, February 10, 1955.

58. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Foreign aid and economic defense policy. Vol. X, Memorandum From the Deputy Director for Intelligence, Central Intelligence Agency (Amory), to the Chairman of the Council on Foreign Economic Policy (Dodge), Washington, February 10, 1955.

59. Foreign relations of the United States, 1955–1957, China. Vol. II, Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, February 10, 1955, 2:08 p.m.

60. Foreign relations of the United States, 1955–1957, East Asian security; Cambodia; Laos. Vol. XXI, Telegram From the Delegation at the SEATO Council Meeting to the Department of State, Bangkok, February 23, 1955, 6 p.m.

61. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. XXIV, Paper Prepared by the Division of Research for USSR and Eastern Europe, Office of Intelligence Research, Washington, January 11, 1956.

62. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. XXIV, Telegram From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State, Moscow, March 7, 1956, 9 p.m.

63. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean. Vol. XXIV, Intelligence Brief Prepared by the Office of Intelligence Research, № 1902, Washington, March 30, 1956.

64. Foreign relations of the United States, 1955–1957, Central and Southeastern Europe. Vol. XXVI, Memorandum of a Conversation, Department of State, Washington, June 12, 1956, 8 p.m.

65. Foreign relations of the United States, 1961–1963. Vol. V, Soviet Union, 254. Current Intelligence Weekly Review, Washington, October 19, 1962.

66. Foreign relations of the United States, 1958–1960. Vol. X, part 1, Eastern Europe region; Soviet Union; Cyprus, Despatch From the Embassy in the Soviet Union to the Department of State, № 734, Moscow, June 26, 1959.

67. Foreign relations of the United States, 1964–1968. Vol. XV, Germany and Berlin, 95. Memorandum of Conversation, Washington, February 18, 1965, 1 p.m.

68. Foreign relations of the United States, 1964–1968, Khrushchev at 70: an appraisal of his leadership style, Foreign relations of the United States XIV, Soviet Union, 26. Special Report Prepared in the Central Intelligence Agency, SC № 00615/64B, Washington, April 17, 1964.

69. Foreign relations of the United States, 1981–1988. Vol. III, Soviet Union, January 1981–1983, 170. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs (Clark) to President Reagan, Washington, May 14, 1982.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Мамедов Заур Имамверди оглы , аспирант кафедры всеобщей истории, права и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: mamedov.zaur.1993@gmail.com.	Mamedov Zaur Imalverdi ogly , postgraduate student of World History, Law and Teaching Methods Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: mamedov.zaur.1993@gmail.com.

Для цитирования:

Мамедов З.И. Деятельность Г.М. Маленкова в оценках Государственного департамента США // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 209–217. DOI: 10.55355/snv2022114208.